

Всеобщая история

УДК 94(470-73)«1941/1942»

О. В. Рычкова

БИТВА ЗА МОСКВУ: ВЗГЛЯД ИЗ АМЕРИКИ*

В статье представлена реакция американских средств массовой информации на Московскую битву. Исследуются прогнозы, эмоциональные состояния прессы США, анализируются материалы американских журналистов относительно результатов сражения и причин победы советских войск.

This paper presents the reaction of the American media in the Battle of Moscow. Forecasts, emotional conditions of the press of the USA are investigated, materials of the American journalists concerning results of battle and the reasons of a victory of the Soviet armies are analyzed.

Ключевые слова: битва за Москву, американская пресса, международные отношения, общественное сознание.

Keywords: fight for Moscow, American Press, International Relations, Public Consciousness.

Начало советско-германской войны само по себе не стало поворотным моментом в американском общественном мнении в отношении СССР – разногласия довоенных лет влияли на восприятие американцами России. Для радикальной трансформации образа СССР от идейного противника до собрата по оружию требовалось что-то более осязаемое, эмоциональное, наконец, практически и/или стратегически выгодное. Общественностью США война Советского Союза против Германии и её союзников стала восприниматься как освободительная, национальная лишь начиная с Московской битвы, проявившей союзнический потенциал советского народа и оказавшей огромное воздействие на ход Второй мировой войны.

Даже многие высокопоставленные руководители США летом 1941 г. предполагали, что восточная компания Гитлера будет победоносной и скоротечной. Военный министр Г. Стимсон, например, сразу после 22 июня 1941 г. написал президенту Рузвельту: «Германия полностью оккупирует разгромленную Россию минимум за один месяц и, возможно, максимум за три» [1].

* Материал подготовлен в рамках реализации научно-исследовательского проекта «Друг-враг: образ Советского Союза в американской прессе в годы Второй мировой войны». РГНФ (10-01-00051а)

Прогноз не сбылся. По истечении максимального срока, отпущенного Стимсоном Красной армии на отступление и капитуляцию, войска вермахта приблизились к Москве, но взять её не смогли. С конца сентября и до начала декабря 1941 г. весь наступательный потенциал Германии был брошен на штурм советской столицы. Начавшееся 5 декабря наступление советских войск положило конец надеждам Гитлера на блицкриг. Немецкий план войны не состоялся. Остаться безучастным к такому событию пресса США не могла.

Отечественные историки продолжают исследовать Московскую битву чрезвычайно активно. По данным Российской государственной библиотеки, «о Московской битве к 2002 г. имелось 8784 отечественных публикаций, в том числе 875 книг. В это число не вошла литература, где сражения битвы рассматриваются в отдельных главах. Не учтены книги иностранных авторов и публикации в республиках и городах СССР. Не включены и газетные публикации с июля 1942 г. по настоящее время» [2]. Несмотря на такую масштабную историографию, совсем немного отечественных исследователей в своих трудах касались реакции общественности Соединённых Штатов на события, происходившие в сердце советской России зимой 1941/1942 гг. Но и эти немногочисленные авторы (А. И. Леонтьева, Б. Я. Михайлов, В. А. Секистов) [3] изучали преимущественно влияние общественных сил и объединений США на развитие двусторонних контактов. Периодика заокеанского союзника осталась в стороне.

Историографические пробелы частично восполнили работы В. В. Познякова, В. О. Рукавишников, Р. Ф. Иванова и Н. К. Петровой [4]. Но и эти авторы акцентируют внимание на проблемных зонах американо-советских отношений: первичной реакции американцев на начало советско-германской войны, вопросах ленд-лиза и второго фронта, на изменении настроения профсоюзных и этнических организаций США и т. д. Фактически вне поля зрения остались «живые», ситуативные оценки сражений на восточном фронте.

В американской историографии советско-германской войны ситуация аналогичная. С одной стороны, при обилии работ о Московской битве [5] акцент делается на стратегию и тактику армий, уточняются потери, изучаются вопросы планирования и снабжения, но роль американской прессы в эволюции общественного мнения и её влияние на правительственный курс США долж-

ным образом не освещены. Авторы немалой части американских работ по-прежнему настаивают на том, что не успехи Красной армии и советского тыла остановили немцев, а природно-климатические условия – распутица в октябре и сильные морозы в ноябре-декабре 1941 г. [6] Историки либерального толка считают, что русская победа под Москвой была обусловлена не погодой, а действиями «способных советских военачальников» и «непреклонных, как сама смерть», советских солдат [7].

С другой стороны, Р. Леверинг, Т. Лифка, Дж. Мьюнисяно [8], изучавшие советско-германскую войну в ракурсе общественного мнения, так же как и их российские коллеги, акцент делают на иных сюжетах – характеристике советского общества и политического режима СССР в условиях войны.

Публикации в американских периодических изданиях о Московской битве демонстрировали разнообразие подходов, прогнозов, оценок. Но в одном отношении авторы оказались единодушными – в ответах на вопрос, зачем Гитлеру нужна Москва. Отмечалось, что дело здесь было не только в том, что Москва – это центральный узел одиннадцати крупнейших железных дорог России, сосредоточение ресурсов и материальных ценностей страны [9]. Безусловно, наряду с военно-стратегическими расчетами важное значение имели также морально-психологические обстоятельства. Тот факт, что Москва была «целью номер один немецкой стратегии» [10], связывали со свойственной Гитлеру «манией захвата столиц» [11]. «Соображения престижа», как считал один из авторов «New Republic», являлись определяющим мотивом планирования немецкого верховного командования – падение столицы нанесло бы непоправимый ущерб авторитету армии и с неизбежностью вело бы к краху национальной идеи [12]. По мнению «Foreign Affairs», в этом смысле глава третьего рейха ничем не отличался от иных агрессоров: вне зависимости от времени и исторических условий у всех, кто нарушал суверенитет российской границы, всегда «первой целью являлось наступление на Москву» [13].

Отчетливо читая генеральную цель Гитлера, американские журналисты предвидели и обратную сторону этой битвы – неистовое сопротивление русских. Поэтому материалы периодических изданий США, увидевшие свет в октябре 1941 г., заранее окрестили Московскую битву «одним из самых серьезных сражений в истории» и даже «суперсражением», требующим от обеих сторон использования всех ресурсов [14].

Основанием для таких прогнозов, при всем скептицизме в оценках Красной армии в период советско-финляндской войны и летом 1941 г.,

было признание особого умения русских находить скрытые, внутренние резервы в критические для себя моменты истории. Редакция «Life» следующим образом отметила это качество: «Они [немцы. – О. Р.] – умные, жестокие, опытные воины. Но в России они встретились с противником, столь же жестоким и умным» [15].

В начале немецкого наступления возможность падения российской столицы все же допускалась. Поэтому рассматривались варианты ответа на вопрос: что произойдет, если немцы захватят Москву? Известный аналитик, специалист по России М. Вернер «отработал» разные сценарии развития событий: «Если Москва падёт, тактика Советов на долгое время примет оборонительный характер; в таком случае главными преимуществами России станут ее трудовые ресурсы и обширные расстояния. Если, однако, Москву удастся отстоять, Красная армия сможет перейти к стратегии контрнаступления. Немецкий провал у ворот Москвы будет означать, что у вермахта недостаточно сил для победы на востоке» [16]. Вне зависимости от непосредственного результата сражения не ставилось по сомнению, что война продолжится и примет затяжной характер [17].

К началу осени 1941 г. внимание американских средств массовой информации оказалось прикованным к Москве. Калининский фронт был признан «одним из наиболее важных», а освещение хода германского наступления и оборонительных боев Красной армии заняло постоянное место в военных сводках [18]. На несколько месяцев внимание большинства редакций сконцентрировалось на советской столице, а сам мировой конфликт стал освещаться как «история нападения на Москву и ее защиты» [19]. Именно с началом Московской битвы многие издания взяли за правило в обязательном порядке освещать войну в России как в рамках новостных блоков, посвященных важнейшим мировым событиям, так и в виде самостоятельных статей.

Практически ни одно важное событие на центральном направлении немецкого наступления не было обойдено вниманием американской прессы [20]. Сквозь сухое изложение событий впервые с начала войны в опубликованных материалах стали появляться интонации уважения, признания и восхищения стойкостью советских солдат, отмечалось, что «Россия, как раненый гигант, мученически борется на московском фронте» [21]. Даже закоренелые противники советского режима, наблюдая Московское сражение из-за океана, вынуждены были фиксировать: русские солдаты сражаются хорошо, как и всегда [22]. Американских обозревателей не смутило даже затяжное отступление Красной армии на первом этапе войны: «Их [русских. – О. Р.] способность

отступать далеко вглубь своей родной земли без серьезных нравственных или военных потерь имеет право рассматриваться как чудо человеческого сопротивления» [23].

Положение дел в самой Москве интересовало американских корреспондентов не меньше, чем события на фронте. Летом – осенью 1941 г. военный журналист Маргарет Бурк-Уайт находилась в столице СССР и была свидетельницей того, как Москва постепенно превращалась в прифронтовой город. Помимо впечатляющей серии снимков, она опубликовала заметки, основанные на личных наблюдениях и получившие серьезный общественный резонанс. Больше всего её поразили масштабы тщательно продуманных и хорошо организованных оборонных мероприятий. Журналистка отмечала, что в течение первых недель войны каждый житель города прошел специальное обучение, усвоил приемы борьбы с огнем в условиях бомбежки, приобрел навыки оказания первой медицинской помощи. Важную роль в деле защиты Москвы играли дети. Они должны были следить за тем, чтобы для тушения огня всегда имелись вода и песок, которыми заполнялись специальные ёмкости [24]. Каждая дверь, каждый переулок, каждая крыша имели своих наблюдателей, которые работали по четыре часа в сутки, а затем сменялись другими. Поскольку значительная часть мужского населения отправилась на фронт в составе регулярных частей и добровольческих формирований, ряды этих наблюдателей заполнялись женщинами и детьми школьного возраста [25]. Пожарные команды также «состояли не из мужчин, а из девушек, одетых в пожарные каски и асбестовые костюмы и рукавицы» [26].

Многочисленные детали повседневной жизни защитников столицы, выполнявших свой долг в условиях смертельной опасности, запечатленные Бурк-Уайт, формировали образ уверенного в своей правоте народа, согласного принять только один исход войны – полную победу над врагом. Журналистка писала о созданной руками гражданского населения «невероятной системе баррикад и иных оборонных сооружений», возведенных на случай уличных боев. Оценивая результаты этих приготовлений, она отмечала их высокую эффективность [27], полагая, что во многом благодаря самоотверженности и высокой патриотической морали москвичей столицу не только удалось отстоять, но и сберечь от значительных разрушений [28].

Защитные рубежи охватывали Москву в радиусе 350 километров [29]. Линии прифронтовых укреплений являлись объектом пристального внимания американских журналистов. Зная о нацистских победах в Европе, когда многочисленные города без боя переходили в руки захватчи-

ков, а столицы объявлялись «свободными городами», американцы обращали внимание на размах строительства оборонительных сооружений, усматривая в этом доказательство решимости вести борьбу без мыслей о капитуляции и компромиссах. Американским читателям сообщалось: «Вся территория усеяна минами и колючей проволокой. Десятки сел на самом деле представляют собой систему фортов и бастионов; дома, окна и двери превращены в бойницы. Подвалы превращены в убежища и блиндажи. И все эти форты и бастионы связаны между собой невидимыми линиями перекрестного огня» [30].

Описания батальных пейзажей, характерных для прифронтовой полосы, воспроизводили колоссальные масштабы разрушений в Подмоскovie. «Никогда раньше мне не доводилось сталкиваться ни с чем подобным, – писал корреспондент “News Week”, – ...Я видел по крайней мере тысячу военных транспортных средств, разбитых, сожженных или уничтоженных ... танки, лежащие на боку, перевернутые грузовые автомобили, разбитые стекла и развороченные двигатели...» [31] Пользуясь разнообразными выразительными средствами, некоторые авторы порой восходили к патетическим тонам: «Здесь были остатки взорванных деревьев: большие расщепленные стволы, которые выглядели так, как если бы гигантская рука вырвала деревья и внезапно швырнула их назад к земле... кругом простирались пустоши настолько далеко, насколько хватало глаз; вместо окультуренных полей мы видели брошенные посевы, прорезанные траншеями, воплощающими концентрированную ярость войны» [32]. Подобные эпические пассажи сопровождали начало процесса перехода американской общественности на новый уровень восприятия союзника, основанный на солидарности, сопричастности, сопереживании.

Не дожидаясь окончательного завершения сражений под Москвой, американские средства массовой информации пытались определить значение этих событий для общего хода мировой войны. Чаще других отмечались следующие итоги.

Во-первых: небывалые потери немецкой армии. Советские войска уничтожили или подорвали боевую мощь группировки, которой предназначалось победоносно завершить блицкриг, сформированной из «специализированных, технических оснащенных ударных подразделений», укомплектованных «молодыми воинами, самыми опытными и подготовленными, политическими фанатиками» [33]. В ряду материальных потерь отдельно упоминались «значительные нефтяные затраты» [34].

Во-вторых: демонстрация несостоятельности военной теории, на которой основывалась гитлеровская стратегия войны, а также «ущербнос-

ти тактических методов немцев» [35]. В более широком плане речь шла о «кризисе германского верховного командования» [36].

В-третьих: психологический перелом в восприятии агрессора: «Моральный эффект от русского контрнаступления был огромным. Оно показало миру, что немецкая непобедимость не более чем миф» [37], а «личное руководство Гитлера во время сражения отнюдь не подняло его престиж» [38].

Суммируя эти наблюдения корреспондент «Nation» уже в январе 1942 г., за три месяца до завершения советского контрнаступления и стабилизации линии фронта, заметил, что «российская кампания немцами теперь проиграна» [39].

Результаты Московской битвы рассматривались и с позиций их воздействия на военные перспективы Советского Союза. Не забывая напоминать о советских потерях, американцы выделили несколько главных позитивных моментов. Прежде всего, отмечался рост боеспособности Красной армии. «В начале войны в России, — подчеркивалось в «Nation», — у немецкой армии было преимущество в боевом опыте. С тех пор, однако, Красная Армия в боях закалилась, ее тактическое мастерство, опыт и уверенность в себе укрепились настолько, что... к декабрю её превосходство над немцами стало очевидным» [40].

Американским читателям также сообщалось о том, что исход битвы под Москвой самым фундаментальным образом изменил общую стратегическую ситуацию. Срыв наступления немецкой группы армий «Центр» и последующее контрнаступление советских войск не были локальными событиями: «Центральный фронт является наиболее важным сектором русского театра, где сконцентрирована основная часть немецких сил» [41]. По этой причине победа под Москвой имела колоссальное значение для суммарного результата советско-немецкой войны. Она укрепила уверенность русских в победе [42].

Важной чертой многих публикаций о битве под Москвой было стремление связать её с процессом формирования антигитлеровской коалиции. «Российская оборона на первом году войны решила задачу защиты всей демократической коалиции. Великобритания была спасена от угрозы вторжения и от разрушительных воздушных налетов немецкой авиации; Соединенные Штаты выиграли время для развития своего военного производства и создания необходимых военных контингентов» [43]. Таким образом, установив и отбросив фашистов Советский Союз не только доказал свою союзоспособность, но и внес колоссальный вклад в войну с общим врагом. Данное обстоятельство для американцев стало особенно актуальным после 7 декабря, когда их страна также оказалась в состоянии войны.

Обращаясь к осмыслению причин победы советских войск под Москвой, американские обозреватели отдавали должное их стойкости, выучке, умелому командованию, специальной оснащённости («эти невероятные лыжные армии, новые самолеты и механизированные силы, обладающие тактикой ночного боя» [44]). Высокой оценки заслужили разнообразные тактические приемы. М. Вернер, например, сравнивая противников на восточном фронте, отмечал, что «для немецких методов характерны более высокая точность исполнения замыслов и завидные темпы при исполнении конкретных операций. Русские же методы основаны на более тщательной подготовке, выносливости, разнообразии приёмов и учете особенностей климата и местности» [45]. Большую роль, по мнению американских СМИ, сыграла и тактика «выжженной земли», использованная советскими войсками при отступлении. Редакция «Fortune» отмечала, что немцы наступали через опустошенные земли, где все имеющиеся средства связи и транспорт были разрушены, добавляя, что после того, как стало ясно, что на подступах к Москве русским удалось возвести эшелонированные оборонительные рубежи, а в тылу развернуть мощное военное производство, шансы Гитлера на победу стали ничтожными [46].

Московская битва стала одним из первых поводов для того, чтобы нарушить типичное для американских публикаций периода Второй мировой войны обыкновение описывать успехи Красной армии и действия Советского правительства в разной тональности. Так, например, по мнению постоянного популярного журнала «Current History», «самым важным из всех факторов, стала политика правительства, направленная на объединение всего народа». Этот курс принес положительные результаты, «как на не завоеванной захватчиками территории России, так и на оккупированных землях, как, например, на Украине», где традиционно сильными были сепаратистские настроения. Важным показателем эффективности избранного курса на национальную консолидацию стала патриотическая позиция православной Церкви, безоговорочно поддержавшей советское правительство. Единение народа и власти на основе патриотического подъема и возрождения национальной идеи автор назвал «самой поразительной особенностью русских военных достижений» [47].

Комплексный анализ причин победы русских под Москвой представил К. Брандт, военный эксперт аналитического журнала «Foreign Affairs». «Впервые в этой войне [Второй мировой. — О. Р.] немецкая армия встретила качественно подготовленного и на удивление хорошо оснащенного противника, равного или даже

превосходящего по численности, с отменным командным составом и высоким боевым духом. Методы молниеносной войны не сработали изначально, они не могли предотвратить перехода к позиционной войне, которая требует привлечения гораздо более значительных ресурсов в живой силе и в технике» [48].

И тем не менее поражение немцев американскими авторами далеко не всегда расценивалось как результат правильной государственной политики советского правительства или самоотверженных и умелых действий Красной армии, превзошедшей своим мужеством и боевым искусством врага. Практически всеми изданиями, вне зависимости от их идейно-политической оснастки, отмечался природно-климатический фактор. Как считали американцы, «нынешняя зима в северо-восточной Европе была самой холодной за последние 150 лет. Она и установилась на две недели раньше, чем обычно» [49]. К этому добавлялись разноплановые природные барьеры, огромные размеры России, плохие, заснеженные дороги, отсутствие каких-либо ориентиров на местности [50]. Указанные обстоятельства назывались в качестве важнейшей (а у некоторых авторов – главной) причины русской победы под Москвой.

Признавая огромное значение итогов Московской битвы, американцы отмечали, что до завершения войны очень далеко. Победа в этом сражении еще не предопределяла победу во всей войне. Так, в частности, считала редакция популярного «Fortune», отмечая, что конечный результат «будет зависеть от суммарного комплекса факторов – очевидных и скрытых, невесомых и ощутимых, включая состояние боевого духа разбитых и обмороженных немецких войск; масштабы потерь Германии в живой силе и технике; объемы помощи союзников России; способность советских людей восстановить потерянные из-за оккупации и мобилизовать оставшиеся промышленные ресурсы» [51].

Признательность и уважение к советскому народу и Красной армии вследствие московской победы отнюдь не означало полного отказа американцев от своих довоенных характеристик Советского Союза. Сохранение довоенного негатива все еще весьма ощутимо прослеживалось в материалах прессы. В качестве примера уместно привести цитату У. Чемберлена: «Обе тоталитарные системы – нацистская и коммунистическая – доказали свою боеспособность и политическую силу в этом мрачном испытании» [52]. Причиной такого стойкого антикоммунизма, вероятно, была не только личная позиция отдельных авторов, но и тот факт, что «превращение СССР в защитника четырех свобод было слишком быстрым, чтобы с этим фактом сразу же могло примириться большинство американцев» [53].

Московская битва стала важнейшей вехой не только для советского народа; союзническая общечеловеческая проявила к этому событию небывалый интерес. Для американской стороны события в СССР на рубеже 1941/1942 гг. имели прежде всего военно-стратегическое, функциональное значение. Однако сам ход битвы заставил американцев задуматься над вопросом: так ли плох советский режим, если за него сражаются с такой отчаянностью, мужеством, самоотдачей? Размышления на эту тему были частью процесса морально-психологической перестройки американского общественного сознания в направлении восприятия СССР в качестве достойного военного союзника, равноправного члена антигитлеровской коалиции.

Примечания

1. *Ketchum R.* The Borrowed Years 1938–1941. America on the Way to War. N. Y., 1989. P. 595.
2. *Невзоров Б. И.* Битве за Москву – 70 лет: как её освещали в эти годы // Вестник МГИМО. 2012. № 1. С. 9.
3. *Леонтьева Л. Е.* Движение солидарности прогрессивных сил США с советским народом в годы Великой Отечественной войны. Киев, 1986; *Михайлов Б. Я.* Конгресс производственных профсоюзов США. 1935–1955. М., 1959; *Секистов В. А., Коротков Г. И.* Устами американцев. М., 1978.
4. *Позняков В. В.* Американское общественное мнение и советско-американские отношения в годы Второй мировой войны: дис. ... канд. ист. наук. М., 1991; *Рукавишников В. О.* Холодная война, холодный мир. Общественное мнение в США и Европе о СССР, России, внешней политике и безопасности Запада. М., 2005; *Иванов Р. Ф., Петрова Н. К.* Общественно-политические силы СССР и США в годы войны. 1941–1945. Воронеж, 1995.
5. *Murphy D. E.* What Stalin knew: the enigma of Barbarossa. New Haven, 2005; *Werner H.* Assault on Moscow, 1941: The offensive, the battle, the set-back. Atglen, 1996; *Plocher H.* Luftwaffe versus Russia, 1941. N. Y., 1968; *Jukes G.* The Second World War: The Eastern Front 1941–1945. Oxford, 2002; *Hardesty V.* Red Phoenix. Washington, 1991; *Glantz D. M., House J. M.* When Titans clashed: how the Red Army stopped Hitler. Lawrence, 1995; *Luttichau Ch. V.* The Road to Moscow: The Campaign in Russia 1941. Wash., 1985; *Ziemke E. F., Bauer M. E.* Moscow to Stalingrad: Decision in the East. Wash., 1987.
6. *Turney A.* Disaster at Moscow: von Bock's Campaigns 1941–1942. Albuquerque, 1970.
7. *Salisbury H.* The Unknown War. Toronto, 1978. P. 91.
8. *Levering R. B.* American Opinion and the Russian Alliance, 1939–1945. Chapel Hill, 1976; *Lifka Th. E.* The Concept «Totalitarianism» and American Foreign Policy, 1933–1949. Vols. 1, 2. N. Y.; L., 1988; *Munesianu J. M.* War of Ideas: American Intellectuals and the World Crisis. Cambridge, 1982.
9. Round Two in Russia // Fortune. 1942. Vol. 25. № 2. May. P. 136.
10. *Werner M.* Fighting for Moscow // New Republic. 1941. Vol. 105. № 16. 20 Oct. P. 497.

11. *Benson O.* Europe Plans for Winter // *Current History*. 1941. Vol. 1. № 3. November. P. 224.
12. *Werner M.* Moscow and Pearl Harbor // *New Republic*. 1941. Vol. 105. № 26. 29 December. P. 883.
13. *X.* Russia and Germany. Political and Military Reflections // *Foreign Affairs*. 1942. Vol. 20. № 2. January. P. 318.
14. *Werner M.* Fighting for Moscow // *New Republic*. 1941. Vol. 105. № 16. 20 Oct. P. 497.
15. The War Moves on in Russia // *Life*. 1941. Vol. 11. № 16. 20 Oct. P. 44.
16. *Werner M.* Fighting For Moscow // *New Republic*. 1941. Vol. 105. № 16. 20 Oct. P. 498.
17. *Werner M.* Prospects For the Red Army // *New Republic*. 1941. Vol. 105. № 20. 17 November. P. 647.
18. *Colonel T.* How The Red Army Is Doing // *New Masses*. 1942. Vol. 42. № 13. 31 March. P. 8.
19. *White W. W.* On the Battle Fronts // *Current History*. 1941. Vol. 1. № 4. December. P. 317.
20. Подробные описания хода военных действий под Москвой см.: *White W. W.* On the Battle Fronts // *Current History*. 1941. Vol. 1. № 3. November; Closer by a GASPONG // *Time*. 1941. V. 38. № 19. 10 November; Red Army Forward // *Time*. 1941. Vol. 38. № 25. 22 December; German's Waterloo: Has it It Come Already? // *U. S. News*. 1941. Vol. 11. № 6. 08 August; *Werner M.* Fighting for Moscow // *New Republic*. 1941. Vol. 105. № 16. 20 October; *Werner M.* Moscow and Pearl Harbor // *New Republic*. 1941. Vol. 105. № 26. 29 December; *Colonel T.* How The Red Army Is Doing // *New Masses*. 1942. Vol. 42. № 13. 31 March; *Colonel T.* The Red Army's New Weapons. // *New Masses*. 1942. Vol. 42. № 1. 06 January; *Hindus M.* Report on Russia // *Reader's Digest*. 1942. Vol. 41. November. № 247; *White W. W.* Germany Loses Ground // *Current History*. 1942. Vol. 2. № 8. April.
21. Wounded Giant: Battle of Russia // *Time*. 1942. Vol. 40. № 10. 07 September. P. 9.
22. *X.* Russia and Germany. Political and Military Reflections // *Foreign Affairs*. Vol. 20. № 2. January; Before Moscow // *Time*. 1941. Vol. 38. № 22. 01 December.
23. *Mitchell D. W.* Strategies For Spring // *Nation*. 1942. Vol. 154. № 13. 28 March. P. 360.
24. *Bourke-White M.* A Photographer in Moscow // *Harper's Magazine*. 1942. Vol. 184. № 1102. March. P. 415.
25. Ibid.
26. Ibid. P. 416.
27. Winter Brings Happy Birthday to the Reds and Their Ruler // *News Week*. 1941. Vol. 18. № 26. 29 December. P. 19.
28. *Black C. E.* The Line-Up in Eastern Europe // *Current History*. 1942. Vol. 1. № 6. February. P. 532–533.
29. *X.* Policy and Strategy In the War In Russia. The Winter Interlude // *Foreign Affairs*. 1942. Vol. 20. № 4. July. P. 322.
30. *Colonel T.* How The Red Army Is Doing // *New Masses*. 1942. Vol. 42. № 13. 31 March. P. 9.
31. Winter Brings Happy Birthday to the Reds and Their Ruler // *News Week*. 1941. Vol. 18. № 26. 29 December. P. 19.
32. *Bourke-White M.* A Photographer In Moscow // *Harper's Magazine*. 1942. Vol. 184. № 1102. March. P. 420.
33. *Werner M.* First Year of the German-Soviet War // *Nation*. 1942. Vol. 105. № 25. 22 June. P. 853.
34. *X.* Policy and Strategy In the War In Russia. The Winter Interlude // *Foreign Affairs*. 1942. Vol. 20. № 4. July. P. 322.
35. *Werner M.* First Year of the German-Soviet War // *Nation*. 1942. Vol. 105. № 25. 22 June. P. 853.
36. *Werner M.* Moscow and Pearl Harbor // *New Republic*. 1941. Vol. 105. № 26. 29 December. P. 883.
37. *Fay S. B.* Hitler's Failure in Russia // *Current History*. 1942. Vol. 1. № 6. P. 528.
38. *Mitchell D. W.* Strategies for Spring // *Nation*. 1942. Vol. 154. № 13. 28 March. P. 361–362.
39. *Pol H.* Hitler's Restless Reich // *Nation*. 1942. Vol. 154. № 2. 10 January. P. 30.
40. *Werner M.* Global Strategy // *Nation*. 1942. Vol. 106. № 2. 12 January. P. 40.
41. *Werner M.* Moscow and Pearl Harbor // *New Republic*. 1941. Vol. 105. № 26. 29 December. P. 883.
42. *Mitchell D. W.* Strategies for Spring // *Nation*. 1942. Vol. 154. № 13. 28 March. P. 361–362.
43. *Werner M.* First Year of the German-Soviet War // *Nation*. 1942. Vol. 105. № 25. 22 June. P. 854.
44. Moscow Battlefront // *New Masses*. 1942. Vol. 42. № 3. 20 January. P. 20.
45. *Werner M.* Germany's Winter War // *New Republic*. 1942. Vol. 106. № 6. 09 February. P. 195.
46. Round Two in Russia // *Fortune*. 1942. Vol. 25. № 2. May. P. 138.
47. *Black C. E.* The Line-Up in Eastern Europe // *Current History*. 1942. Vol. 1. № 6. February. P. 532–533.
48. *Brandt K.* Is Germany Exhausting Her Man Power? // *Foreign Affairs*. 1942. Vol. 21. № 1. October. P. 26.
49. *X.* Policy and Strategy In the War In Russia. The Winter Interlude // *Foreign Affairs*. 1942. Vol. 20. № 4. July. P. 608.
50. Winter Brings Happy Birthday to the Reds and their Ruler // *News week*. 1941. Vol. 18. № 26. 29 December. P. 19.
51. Round Two in Russia // *Fortune*. 1942. Vol. 25. № 2. May. P. 82.
52. *Chamberlin W. H.* The Soviet-German War: Results and Prospects // *Russian Review*. 1942. Vol. 1. № 2. April. P. 4–5.
53. Юнзблуд В. Т. Официальный Вашингтон, прес-са и общественное мнение США о «Великом сопротивлении» 1941 г. // *Вестник ВятГГУ*. 2010. № 4(1). С. 49.